

Суть когнитивной концепции метафоры составляет признание того факта, что метафора играет основополагающую роль в концептуализации реальности. Однако когнитивная система, формирующая мышление и деятельность человека, не осознается нами. В большинстве случаев мы думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Поскольку речевое общение базируется на той же когнитивной системе, что и мышление и деятельность, то язык выступает одним из основных источников информации об этой системе [4]. План содержания фразеологической единицы и метафоры, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, то есть источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков. Свойственное метафоре сближение разнородных явлений осуществляется вместе со способом видения мира, его языковой картиной мира, за которой могут стоять лингвистически разные понятия (различие в метафоризации разнородных единиц, включая и фразеологические; различие семантических полей, являющихся базой для метафор-идиом).

Проблемы метафоры продолжают привлекать внимание исследователей не только с точки зрения взаимодействия мышления, языка и деятельности человека, но и с позиций «вхождения» в концептуальную картину мира. Особое внимание сегодня уделяется тому аспекту метафоризации, который связан с образованием культурных концептов, то есть «технологии» и «модели» «смыслопроизводства». Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия [5, с. 135]. Однако до сих пор не существует однозначного ответа на вопрос о том, является ли метафора языковым, дискурсивным или концептуальным образованием. Несмотря на все еще преобладающую точку зрения на метафору как на языковое явление, сегодня все чаще делаются высказывания о метафоре как о концептуальном феномене, исходя из того, что репрезентация метафоры осуществляется на двух принципиально новых уровнях – пропозициональном и образно-ассоциативном. Нашедшие экспериментальное подтверждение в последнее время, такие взгляды на метафору свидетельствуют о существенной роли культурной среды, предшествующего опыта (практических навыков) и телесной организации человека в структурировании ментальных процессов. Все это не дает оснований относиться к естественному языку как к единственному средству концептуальной организации мышления, что в свою очередь означает невозможность получения полной информации о метафоре посредством изучения одного лишь языка.

В заключение отметим, что кроме номинативной, образной и экспрессивной функции, метафора выполняет в языке и так называемую концептуальную функцию, которая основывается на ее способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий.

Наиболее ярко концептуальная роль метафоры проявляется в обозначении «непредметных сущностей» с помощью фразеологических единиц типа русск. *повернуть колесо истории вспять (назад)*, англ. *to turn back the clock of history (the hands of time)*; русск. *на худой конец*, англ. *if (the) worst comes to (the) worst*; русск. *откинуть (отбросить) коньки*, англ. *to kick the bucket* и т. п., образующих так называемое «фразеологическое пространство», содержащее такие концепты, которые в процессе метафоризации испытали своеобразное переосмысление и развитие.

Изложенные выше материалы представляются нам перспективными для разработки в будущих исследованиях.

Литература

1. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб., 2002. – 334 с.
2. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика- психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
3. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – 5-6. – С. 3-12.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
5. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 63-72.
6. Скребицова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000. – 204 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
8. Langacker R.W. A View of Linguistic Semantics // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1988. – P. 49-90.

Вержанская О. Н.

ПРИНЦИП ЖАНРОВОСТИ ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Одной из центральных тем философских исследований последней четверти XX века стала тема взаимосвязи философии и литературы, своеобразное теоретическое осмысление явления литературоцентризма. Сближение современной литературы и философии обусловлено изменением способов наррации. Классический философский принцип референции текста к реальности утратил для современной философии свое значение. В творческом наследии Ж.-Ф. Лиотара, Ж.-Л. Нанси, Р. Барта, М. Фуко мы все больше прослеживаем идею философии как особого литературного жанра. Принцип жанровости окончательно соединил современную философию и литературу в единую сферу саморефлексии культуры. В этой связи обострилась необходимость исследования форм современного философского текста.

Основной прорыв в исследовании изменений форм современного философского текста был сделан во второй половине XX века представителями французского постструктурализма Р. Бартом, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой. Именно эти авторы стали основными разработчиками «постструктуралистской теории текста». Изучение и эксперименты с текстуальными стратегиями привели к определению общих понятий «текст», «дискурсивные системы», «нарратив».

Отечественное научное сообщество со значительным опозданием подключилось к исследованию данной темы. Это объясняется сменой идеологического климата и возвращением философии в нормальное

русло научных исследований, которые не рецензировались принципом партийности. Основной массив работ приходится на 90-е годы прошлого века. В унисон работам В. Подороги, М. Ямпольского, М. Рыклина, которые порявились в России, в Украине проблемам метаморфоз философского текста были посвящены работы Д. Руденко, В. Прокопенко «Философия языка: путь к новой эпистеме», И. Жеребкиной, С. Жеребкина «Метафизика как жанр», коллективная монография «Семиотика культуры».

Принимая во внимание активную разработку указанной проблематики в современной научной литературе, следует отметить, что идея разрушения классических типов философского дискурса и их замены на дискурс литературы не утратила своей актуальности.

Классический философский нарратив притязает на открытие собственно философской дискурсивности, но он может это делать лишь путем сочетания мнений. При этом мнения можно рассмотреть в гуссерлевском ключе как концепты [1].

Концепты, по определению Э. Гуссерля, – это «абсолютные поверхности или объемы», формы, не имеющие иного объекта, кроме неразделимости отличных друг от друга вариаций. Отсюда можно предположить множественность пластов философского текста. По сути, «концептом» называется компания по разработке и обслуживанию информационных систем. Классический пример такого напластования смыслов – «Миф о пещере» в диалоге Платона «Государство». Онтологический, гносеологический, социальный и личностный слои формируются в тексте как варианты интерпретации смыслов. Применив метод деконструкции к анализу классического философского текста, мы получаем вычлененные вариации, а не единый объект – «справедливость». Философские концепты – это фрагментарные единства, не пригнанные друг к другу, так как их края не сходятся. В таком смысле не будет ошибкой считать, что философский текст постоянно находится в состоянии отклонения или дигрессивности.

Науке приписывают способность создавать концепты, определяют концепт через творческие приемы науки, меряют его наукой, а потом задаются вопросом, нет ли возможности и для философии формировать некие концепты второго порядка, возмещающие свою неполноценность расплывчатой отсылкой к жизненному опыту. Фактически происходит перенесение миметического принципа, на котором основаны классические формы литературы и искусства со времен «Поэтики» Аристотеля, на философский концепт. классических текстах И. Канта, Л. Фейербаха, Г. Гегеля и с особым блеском проявляется у М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Ж. Деррида.

Концепты меряются «философской грамматикой» или «принципом жанровости», которые акцентируют внимание не столько на содержании, сколько на форме философского текста. В таком случае, концепт – это событие, а не сущность и не вещь. Философскому нарративу требуется не просто проблема, ради которой он реорганизуется или заменяет прежние концепты, но целый перекресток проблем, где он соединяется с другими, сосуществующими нарративами, со-бытийствует с ними. Концептам незачем быть последовательными. Им достаточно лежать в одной плоскости или пространстве интерпретации.

Посмотрим, как прослеживается со-пребывание концептов в одной интерпретационной плоскости в нарративе. У Р. Ингардена приводится сравнение двух «наименований» «молодость» и «квадрат». Казалось бы, эти два понятия по всем канонам формальной логики не могут быть ни сравнимы, ни сопоставимы. Первое – неизмеримая, не определенная во времени черта, характеризующая субъект. Суть его в отражении неопределенности, того, что воспринимается как «ощущение молодости», не выразимое указанием определенного момента времени или состояния в хронологический отрезок времени. Попытка такого указания приведет нас к обращению к долям временного отрезка, к иррациональным числам, что абсурдно само по себе. Молодость не может быть описана простым указанием момента времени, который всегда есть подобие рационального числа, да и бессмысленно искать момент, в который человек превращается из «еще» молодого в «уже» немолодого. Это изменения неподдающиеся четкой фиксации, которые можно отнести к разряду «вдруг», т.е. воспринятые и оцененные подобно переходу «еще» в «уже». Второе «наименование» имеет своей сутью указание **постоянных** моментов определяемого предмета [2, с. 52].

Проблема соотношения неизмеримого и постоянного, отмеченная Р. Ингарденом для поэтического сочинения, также актуальна для философского нарратива – это основной момент в анализе речевого подражания действительности, или то, что Ж. Жанетт определил как «виртуальное измерение языка».

В данном случае речь идет не о проблеме противоречия между суждением как самостоятельным поступком и суждением как отражением, определением меры для поступка. Суждение создает подобие реальности, симулирует ее, а рефлексивная оценка относится скорее к воображению, чем к его референту.

По сути мы видим переход философского нарратива в иную плоскость описания изменчивости и подвижности мыслимого мира. Новый концептуальный шаг в этом подходе к проблеме философского нарратива был сделан Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Философский нарратив, по мнению французских исследователей, должен перейти от философии бытия, которая традиционно культивировалась в европейской традиции со времени Платона и Аристотеля, к философии становления. Как отмечает И. Жеребкина, «понятие текста и литературы Делез и Гваттари связывают не столько с языком, сколько с желанием» [3, с.64]. В этом случае концепция философии как жанра приближается к идее М. Хайдеггера о «озабоченности» как главном условии проявления смыслов. Желание как озабоченность, о-значает присутствие человека в мире. С другой стороны, желание предстает как выражение отношения к миру, становление смыслов.

Отношение – проявление дела, выказывание заботы, знание на нечто, имеющее значение для человека, «о-значение». Эмпирически раскрывающаяся «вещь» предстает как объект, в котором является нам бытие. Бытие проясняется в соборовании переживаний вещи многими, кто со-пребывает в мире. Это соборование и есть постоянное становление, со-дополнение в философском нарративе. Отношение обретает черты общественного дела как указания мира (в значении человеческое сообщество) [4].

Согласно философской концепции текста, предложенной Ж. Делезом и Ф. Гваттари, желание вводится в структуру мышления, что приводит к разрушению идеала «самоопределенности». (Идея «шизопрактики»)

«Язык, – отмечает Ж. Деррида – это структура (система оппозиций между местами и значимостями), причем определенным образом ориентированная» [5, с. 387]. В свою очередь система оппозиций приводит к избыточности языка, которая усиливается социальным контекстом. Высказывание всегда задействует сферу человеческого желания (или заботы по М. Хайдеггеру) и утрачивает свою нейтральность.

Следовательно, философский нарратив может быть понят как отношение, процесс, отражающий изменчивость становления. Его информативность предстает как результат выработки смыслов, оценочных суждений. Отношение, изложенное в нарративе, – знаковое подтверждение со-общения агента и наблюдателя, автора и адресата текста. Таким образом, в нарративе проявляется его двусоставная структура: статичная (как тема общения, указание направленности экзистенциальной заботы) и динамичная (со-общительная, подчеркивающая изменчивую природу оценок). Происходит то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали «коллективным ассамбляжем» произведения. Сам нарратив при таком рассмотрении предстает не только как семиотическая цепь, которая несет новую информацию об объекте, но и как изменение отношения к миру.

Нарратив определяется своей референцией, а референция затрагивает не событие, вещи или явления, но отношение с состоянием вещей или тел, а также предпосылки этого отношения. Философский нарратив превращен в процесс формирования смысла, подобный определению «чашности чаши» у М. Хайдеггера, или «означивания» смыслов у Р. Барта. Следовательно, формы миметического повествования, рефлексии действительности, т. е. современные подходы к философскому тексту – предмет истории философии, но ни как не характеристики современного философского нарратива.

Таким образом, задача современной философии – найти ту особенную точку, где соотносятся между собой концепт и творчество, произведение и текст. Концепт – это множественность, хотя не всякая множественность концептуальна. Точно так же и текст является множественностью «означивания» (Р. Барт), но не законченным продуктом. Не бывает текста с одной лишь составляющей: даже в первичном тексте, которым «начинается» философия, уже есть несколько составляющих, поскольку не очевидно, что философия должна иметь начало, а коль скоро ею таковое вводится, то она должна присовокупить к нему некоторую точку зрения или обоснование. Но сама природа этого обоснования будет основываться на межтекстовых ассоциациях. Декарт, Гегель, Фейербах не только не начинают с одного и того же концепта, но даже и концепты начала у них различны. Однако следует заметить, что принцип жанровости философского текста направлен против классического принципа рефлексии философского текста по поводу реальности. «Условность наррации», на которую указывали Ж. Ф. Лиотар, Р. Барт, В. Подорога, создается особой «философской грамматикой», традиция которой исходит из тезиса, что всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т. д., то и философский текст изначально поликомпонентен.

Источники и литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философии // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 48-67.
2. Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Иностранная литература, 1962. – 452 с.
3. Жеребкина И., Жеребкин С. Метафизика как жанр. – К.: ЦГО НАН Украины, 1996. – 313 с.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93-118.
5. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 514 с.

Вернигора В. П.

СЕМАНТИЧНІ ЗМІНИ В ЛЕКСИЧНОМУ СКЛАДІ РОСІЙСЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ

Науково-технічна революція на сучасному етапі визначається використанням обчислювальної техніки, радіо- та побутової електроніки. Якщо раніше питання вибору і застосування термінів торкалися лише вчених і спеціалістів, то наступаюча комп'ютеризація усіх сфер людської діяльності примушує все більшу кількість людей стикатися з проблемами спеціальної лексики, яка складає значну частину сучасної мови.

Свого часу І. І. Срезневський стверджував, що «народ виражає себе найповніше і найвірніше в мові своїй. Народ і мова не можуть уявлятися один без одного» [4, с. 7]. Цієї ж точки зору дотримувались і інші визначні лінгвісти, такі як: О. О. Потебня, І. А. Бодуен де Куртене, Г. Щухард, Е. Сепір, Л. В. Щерба, Б. Уорф [4, с. 8]. Особливо ж тісний зв'язок між мовою та культурою народу спостерігається при діахронічному аналізі лексичної системи. «Национальное всегда диахронно» – підкреслював Ю. М. Караулов, і з цим важко не погодитись. Спробуємо довести це на прикладі розвитку деяких термінів, простежити зміни в семантичному значенні давно вживаних лексем і яким чином мова реагує на запозичення, на процес пристосування їх до сучасної української літературної мови. Завданням цієї статті є виявлення типологічних і відмінних семем деяких термінів радіоелектроніки в діахронічному вимірі на основі споріднених мов.

Актуальність даного дослідження полягає в тому, що термінологічна лексика, особливо радіоелектронна, набуває все більшого значення в житті кожного носія мови, що стикається з технікою і активно функціонує в дискурсі останнім часом. Термінознавчі знання необхідні не тільки спеціалістам, а і широкому колу споживачів цього виду техніки.

Об'єктом дослідження являються корінні українські та російські слова, які були піддані процесу термінологізації, а також запозичення, які з'являються в українській та російській мовах для заповнення лакун специфічних понять радіоелектроніки.

Матеріалом для аналізу послужили словарні дефініції лексичних одиниць, які являються термінами радіоелектроніки.

Новизна даної роботи полягає в тому, що вперше піддається аналізу шар термінологічної лексики радіоелектроніки споріднених мов в діахронічному вимірі.

Словниковий запас національної мови – це сукупний продукт дії системи русійних механізмів мовного розвитку. Найголовніший з них – механізм мовної номінації як постійний внутрішньомовний процес реагування на нові реалії дійсності. [5, с. 146] Цей механізм проявляється перш за все у формуванні нових значень слів, у